

Драгоманов М. П. Педагогическое значение малорусского языка //
Санкт-Петербургские ведомости. – 1886. - № 93 – С. 1-2

Обыкновенно первое возражение против необходимости первоначального образования на малорусском языке приводят, что это не язык, а наречие и даже разноречие, что между языком, каким говорит народ в Киевской и Нижегородской губернии, такая ж разница, как между наречием Нижегородской и Костромской. Но если так слабо различие малорусского языка от великорусского, то для чего же пугаться образования народа на этом языке, как зародыша нравственного сепаратизма политического? Впрочем, если смотреть на оба языка со стороны корней, то мы не найдем между ними почти никакой разницы, кроме разницы фонетической. Но дело в том, что язык составляют не только корни и слова сходно звучащие, но гораздо более те оттенки понятий, которые заключают в себе слова, особенно производные. Если мы посмотрим с такой органической стороны на язык великорусский и малорусский, мы увидим в них сходство и в то же время различие. Это сходство и разница в языках обеих русских народностей имеет в себе соответствие в сходстве и разнице историй, религии, быта и народного характера малороссов и великороссов. Если смотреть на все эти стороны жизни народной с одной только официальной точки зрения, то мы не увидим вовсе разницы между жизнью малоросса и великоросса, но если заглянуть в глубь жизни, в частности, разницу увидим огромную. Этой разницы не хотят знать наши практические деятели и даже многие ученые. Тому причиной бюрократическое невнимание к жизненным явлениям. Особенно глубоко невежество и легкомысленна самоуверенность нашего просвещенного общества во всем, что касается Малороссии. Один господин почитал себя вправе толковать о Малороссии только потому, что проезжал через Курскую губернию. А большинство нашего так называемого образованного общества почти только и знает о хохландии, что хохлы народ ленивый и глупый (т.е. неуслужливый, нерасторопный), но хитрый, что хохландия – страна

вареников и галушек, что язык хохлов тем только отличается от великорусского, что ы твердо выговаривается (sic!), и через то пресмешной и т.п. Самые цивилизованные называют Малороссию русской Италией (что другими обращается в насмешку), землю песен, а еще более цивилизованные знают, что в Малороссии семьи делятся и нет общины, что иными считается весьма нехорошим. А какие психические и бытовые различия есть между великороссом и малороссом, какие последствия имеет хотя бы то, что малорусские семьи дробятся – об этом редко кто серьезно думает. А между тем эти различия прекрасно намечены г. Костомаровым в статье «Две русские народности», а многие черты психической разни-

(кінець 1 колонки, с.1)

цы малоросса и великоросса указаны еще ранее в брошюре покойного Юрия Венелина, которого уже, конечно, никто не заподозрит в какой-либо злобной политической тенденции, «Об источниках народной поэзии вообще и южно-русской в особенности» (Москва, 1834г.). Эта-то разница частных быта и разница психическая между великороссом и малороссом и производит разницу частных представлений, которая выражается в употреблении слова языком великорусским и малорусским. Для большей убедительности приведем несколько примеров из великого их множества. Мы увидим, как часто и какие простые слова языка литературного малорусского придется толковать в южнорусской народной школе. Представим себе, что книжно не образованный южноросс читает историческую статью, например об Иване Грозном. На каждом шагу он натолкнется на слова и выражения в таком, например, роде: *погубил* много бояр... *пытали*... *пожаловал* Ермака... *уступил* шведам Иван-Город и т.п. Если обратить внимание на значение выделенных слов в языке малорусском, вы увидите, что малоросс, мало ученый, не поймет их. Слово *губить* в великорусском языке имеет частные значения – *истреблять насилем*, а в малорусском удержало только общее значение – *терять*; наоборот, *терять* в малорусском употребляется в частном значении *разорять*, ближе к его коренному значению *тереть*

(латинское *terrere*). Слово *пытать* в малорусском удержалось в общем значении – *спрашивать*, а в великорусском опять в частном – *производить пытку*; слово *жаловать* в малорусском значит *ласкать*, у великороссов употребляется для означения подарка, так что частное производное *жалованный* – для малороссиянина звучит книжно, потому и понятно только образованному. Слова *уступить* великорусское и *уступиты* малорусское – одно и то же, но понятия их совершенно различны: первое значит сойти с места, а второе стать на него; а потому *уступить* город, *уступчивость* и т.д. малороссиянину надо разъяснить. Возьмите географическую статью. На первых же строках можете попасть на такое, напр., выражение: земля *кажется* нам плоскою, а на самом деле она имеет *вид шара*. Но, во-первых, слово *казать* со всеми его производными, у малороссов значит только *говорить* (кроме – *показать*), а у великороссов такое значение слова есть только в производных (*сказать* и т.п.), оттого слова «казаться» малоросс не поймет. Затем слово *вид* у малороссов имеет частно-образное значение – *лицо* (как и греческое *εἶδώς*), а *шар* у малороссов значит *слой*. Если от учебных статей перейдем к бытовым, то тут уже решительно на каждом шагу можем поставить в тупик малороссиянина, заставив его читать великорусскую книжку, а иногда подадим повод к весьма комическим *qui pro quo*. Возьмем, например, слова *глупый* и *дурень*. *Глупый* у

кінець 2 колонки, с.1

малоросса имеет первоначальное значение – *темный* (глупа ніч), *дурный* и *дурень* значат то же, что и в великорусском, но затем малороссу непонятно употребление этого слова для означения понятия о некрасивом, нехорошем (*дурнушка, недурна, дурно*), а зато у великороссов нет *дурно* в смысле *даром*. Вы скажете малороссу, например, *жар солнца* – но малорусское *жар* значит только частно горячие уголья, тогда как у великороссов слово означает силу огня. Вы скажете малороссу – отдал *оброк*, а он поймет, что вы отдали *овес*: *рок* у малороссов означает *год, время* и в то же время пищу как предмет, необходимый для прожития года; так *оброк* значило сначала *пищу вообще*, а

потом конскую, т.е. овес; а у великороссов это стало значить плату годовую, хотя слова *рок* в смысле *год* у них нет, а есть отвлеченное понятие *рок* – *судьба*, которого, в свою очередь, нет у малороссов. Вы скажете, например, он *отказал* ему в просьбе, а малороссиянин поймет только, что он ответил, потому что в малороссийском языке *отказ* значит только *ответ*; *отказал* *имение* - малоросс вовсе не поймет. Слово *уродливый* по-великорусски значит безобразный, а по-малорусски *уродливый* – значит красивый и счастливый; *занять деньги* малоросс не поймет, потому что у него это слово значит только затронуть кого или загнать (занять скот); *подняться* в смысле встать малоросс не поймет; потому что это слово употребляется специально о женщинах: *я піднялась* - *я підняла юпку* и т.д. и т.д. Полагаем, представленных примеров довольно для того, чтобы навести непредубежденного человек на мысль, что учить мальчика первоначальному чтению не по-малорусски, значит задавать ему двойной труд – учиться читать и заучивать чужие слова. Всякий, кто занимался обучением первоначальному чтению, заметил, как важно с самого начала приучить детей к толковому, а не машинальному чтению, заметил, вероятно, какого напряжения ума требует у начинающего составление из букв слова, и как часто мальчик, составив уже слово, заключающее понятие, знакомое ему в жизни, не сразу даже догадывается, что слово прочитанное то же самое, которое он столько раз слышал и говорил; и только произнесши это слово несколько раз, а иногда после вопроса учителя, ученик наконец узнает образ, заключающийся в прочитанном им слове. Всякий тоже, кому случалось наблюдать наших грамотных простолюдинов, заметили, что бывшие дьячковские ученики почти всегда читают не понимая; что ученика, попавшего от дьячка в более рационально устроенную школу, гораздо труднее выучить толковому чтению, чем нигде не учившегося. А это происходит от того, что дьячки начинают учить со славянского чтения, слова которого, если они даже и понятны, не имеют образного значения для наших

мальчиков. Если не в такой степени, то же самое имеет место и в том случае, когда мало-

кінець 3 колонки, с.1

русского мальчика учат читать по великорусской книге. Итак, если хотите, чтобы процесс учения грамоте не притуплял живости впечатлений малорусских мальчиков, а развивал ее, то начинайте учить их по-малорусски.

Но язык не только играет важную роль при самом первоначальном обучении чтению; язык, отражая жизнь и быт народа, служит сам по себе средством образования. Поэтому учитель, принявшись за объяснительное чтение, может и должен, через толкование слов, развить в ученике чувство изящного со способностью к образному выражению, а также логическое мышление. Последнее достигается тем, что слова, близкие по корню, сводятся вместе, учеников заставляют делать производные, - и через то приводится в сознание близость различных предметов и представлений, а также скрытая логика языка. Для того, чтобы судить, в какой мере возможны такие развивательные занятия в малорусской школе на языке великорусском, обратимся, например, к переводу «Народных оповиданий» Марка Вовчка, сделанным Тургеневым. Лучшего переводчика для малороссийских народных рассказов, как по таланту, так и близости его лирического миросозерцания с малорусским, чем автор «Записок охотника», трудно придумать. А между тем знающий малорусский язык и быт, и при том человек, для которого слова не есть только мертвый условный звук, на каждом шагу замечает, как недостаточно выходит передача прекрасных малорусских рассказов под рукой великорусского писателя; знающий малорусскую жизнь и дух языка замечает очень часто, как через перемену слова в переводе Тургенева изменяются совершенно бытовые представления, которые заключаются в рассказе Марка Вовчка. Для подтверждения сказанного мы выберем из рассказов Вовчка первый, «Сестра», и приведем несколько выражений сравнительно с переводом Тургенева. Во-первых, остановимся на тех выражениях, которые должны были утратить свой

поэтический, образный характер. Так: *зглянься на Бога* – выражение чрезвычайно образное - можно было перевести на великорусский только весьма отвлеченным словом *побойся*, что и сделано Тургеневым; выражение *очей не взвела* (умирая), чрезвычайно образное, переводится *не закрыла*, не так наглядным и верным, ибо мертвым обыкновенно закрывают глаза посторонние; выражение *та и поберемось дали* переведено : *да и в путь*, чем совершенно разрушена его образность; удивительно конкретное выражение *загорювала грошей*, переведено не выражающим ничего: *заработала*. Мы выбрали эти примеры как более резкие. Но повторяем, что, читая перевод Тургенева, на каждом шагу приходится жалеть о каком-либо поэтическом образе и выражении. Кто дорожит живостью языка и образов в поэтическом произведении, тот не может не пожалеть, видя, что характер

кінець 4 колонки, с.1

восклицания: *отсе мени лиха година, та несчастлива* утрачен в переводе – *что это за напасть такая*; или что *лепечут* (дети) отнюдь не передает звукоподражательного *джеркочуть*.... Но мы чувствуем, что начинаем вдаваться в тонкости, не всякому понятные, ибо для понимания их нужно, во-первых, желание знать, а во-вторых, и знание малорусской речи. Ну, как уверить иначе, что прелестная фраза Вовчка *обнялы мене думки, та гадки* (от гадать), *та журба пекуча* никак не передана в переводе: *мысли, да думы из ума не идут; жжет тоска мое сердце?* Разве скажем, что слова *тоска* со всеми его производными (*тосковать, тошно* и пр.), нет в малорусском. Или как уверить, что *ручонки* не может звучать так поэтически для малорусского мальчика, как *рученята*? А потому мы и оставляем далее речь о поэтической стороне малорусской речи, сказав общую мысль – что эстетическое развитие малорусских учеников народной школы никак не может идти успешно иначе, как при чтении малорусских поэтических произведений. Кроме того, мы обращаемся к педагогам и спрашиваем их, какое значение во всей жизни человека может иметь то обстоятельство, если с малых лет не нарушали, а, напротив, развивали в нем образность представлений и выражений? С своей

стороны мы предполагаем, что при таком только воспитании достигается возможная для индивидуума острота и самостоятельность ума, свежесть и живость чувств. Но кроме указанной нами невозможности образно-поэтически для малороссиянина передавать жизнь малорусскую иначе, как по-малорусски, сравнение перевода Тургенева с оригиналом М. Вовчка показывает, как часто изменяется совсем смысл малорусского образа на языке великорусском, который выражает образы своей народной жизни. Например, Тургенев переводит *пригорнула до серденька* – словом: *прижала*. Иначе он не мог перевести, и оба выражения равносильны со стороны образности; только оба выражают разные характеры: первое представляет образ малорусской, более нежной и мягкой женщины; то же следует сказать о переводе: *та и не можно отхлынуть от себе* (детей) и – *оторвать* нельзя. Как, например, перевести малорусское *грымае*? Тургенев перевел *покрикивает*, ибо подходящего слова нет в великорусском языке. А нет его потому, что малорусский старший сердится совсем иначе, чем великорусский. Типа великорусского самодура, который сердится без толку, но не может быть назван злым, который покрикивает, сам не зная за что, и может тоже ни с того ни с сего угомониться – такого типа нет в малорусской жизни. Малороссиянин сердится нескоро и нелегко, и если рассердится, то как-то сдержанно и зло; тогда действительно он *грымает*, причем движения его глаз и бровей действительно напоминают молнию при изредка прорывающемся вскрикивании. Малорусское слово *проща*, переведенное Тургеневым

кінець 5 колонки, с.1

богомолье, происходит от общего с великорусским словом *прощать*, но не имеет себе подходящего великорусского слова. Это от того, что у малороссов совсем иные представления о хождении на богомолье, чем у великороссов. В Великороссии странствования по монастырям есть отчасти исполнение обряда, отчасти удовлетворение стремления народа к странствованиям вообще, а отчасти даже экономическая потребность. У

малороссов нет ничего подобного, оттого великоросс всегда называет это действие весьма отвлеченным словом *богомолье*, а малоросс чувствует необходимость более частного и определенного слова - *проща*. Слово же *богомолье* говорится в Малороссии очень редко, тогда как *проща* – дала от себя и производные, например *прочане* (богомольцы), да и само *богомолье* смягчается в *богомольячко*. Слова *проща* и *грымать* могут, как нельзя более, доказывать, что не только языки разны, которые имеют разные корни, и что если мы понимаем слово лексически, так это не значит, что мы действительно понимаем его. Нет, полное понимание заключается в том, чтобы усвоить и прочувствовать образ, заключающийся в слове. И развитие учеников при помощи изучения языка в том именно и состоит, что они уразумеют близость образов, выражаемых близостью слов, - а это возможно только тогда, когда такой процесс мысли заставляет их определить с возможно более родным им языком. В той же разбираемой нами повести Вовчка, переведенной Тургеневым, мы находим множество примеров, как близкие по-малорусски понятия, названные словами, произведенные от одного корня, разрознены в переводе, по неимению себе таких же близких соответствующих в языке великорусском. Так, например, слово *посумнили* Тургенев переводит *приуныли, чогось сумно – грустно*. Дело в том, что у этого корня есть в великорусском языке только слово *сумерки, смеркаться*, да, быть может, *сомнение*, которое прежде писали *сумнение*. А между тем, с педагогической стороны было бы очень полезно сознательно сблизить в представлении ученика *сум* – темноту в душе – с темнотою физической. «На это ничего не *врадыть*, Тургенев перевел: никто *пособить* не мог, а слово *порадныця* - *наставница*. Здесь, не говоря уже о том, что *пособить* (от себя) является слишком отвлеченным – разрушается связь представлений за неимением в великорусском языке слова, соответственного малорусскому слову *рада* (немецкое, но омалорусившее). Через то, если заниматься объяснительным чтением не по малорусскому тексту, то и нельзя будет указать на связь *рады* как думного собрания, и *совета*, и наконец на

глубокий нравственный смысл, заключающийся в слове *порадныця*. Известно, что это постоянный эпитет слова *маты - мати*, *порадныця хаты*. Подобного типа нет в великорусской жизни по причине меньшей самостоятельности женщины в великорусской семье, а потому нет и подходящего слова.

кінець 6 колонки, с.1

Другой пример, как одинаковые по-малорусски слова нет возможности передать по-великорусски, не разорвав близости представлений – дает слово *цурацься*. Тургенев раз переводит *не цураються – не станут нуждаться*, другой *одцураюсь – отрекаюсь*. Тут дело в том, что слово *цур* есть в белорусском языке, но оно сохранилось в первобытном, мифическом значении, тогда как в малорусском не только в производных, но междометии *чур* имеет уже обыденное, житейское значение. Еще более резкий разрыв представлений через неимение соответственных образов в языке великорусском являет перевод Тургенева слова *гордувать*. Он переводит раз *багацько гордувала – больно* (слово малороссу непонятное) со мной *спесива была*, в другой *чванилась*, в третий *не гордуй – словом не брезгай*. Здесь, во-первых, слова *спесь*, *чваниться*, *брезгать* непонятны малороссу, во-вторых, слова *спесива была*, *чванилась* - не передают понятия именно о малорусском *гордувании*. *Спесивиться* и *чваниться* заключают понятия о нахальной, выставяющейся гордости, тогда как *гордувать* изображает молчаливое и сдержанное пренебрежение, именно свойственное малоросскому характеру. Наконец, с педагогической стороны было бы очень полезно собрать в голове ученика все различные представления и виды *гордувания*, а это труднее сделать тогда, когда они разрознены словами разных корней.

Итак, если смотреть на язык, как на живые образы, которые народ сближает в своем представлении, если толковое чтение поставить себе задачей развития ума и воображения через объяснение слов, то это толковое чтение с малорусскими мальчиками может с успехом производиться только

по-малорусски. Скажут, что великорусский язык имеет свою образность и связь выражений; это, без сомнения, так, но она станет понятна малороссу уже образованному.

От языка естественен переход к содержанию того, что будут читать мальчики в южнорусской школе, хотя, как мы уже указали, и язык есть в известной степени содержание, т.е. материал для умственного, нравственного и эстетического развития.

Теперь уже признано всеми здравомыслящими педагогами, что нравственное развитие в школе достигается не заучиванием сентенций прописной морали, к которым искусственно прибираются разные, более или менее невероятные случаи, имеющие целью доказать, что добродетель торжествует, а порок наказывается. Теперь стараются достигать нравственного развития, заставляя учеников анализировать факты из близкой им жизни, причем достигается и развитие умственное. Понятно поэтому, что различные кисло-сладкие рассказы для детей, подарки на Новый год и т.п. изделия, в которых действуют раздушенные Оли и разные канарейки – такие изделия не могут быть годны даже для дворянского образования, а тем более

кінець 7 колонки, с.2

для народных школ. Образование народа должно идти с помощью народной же словесности, в которой отражается быт народа и его характер, со всеми его достоинствами и недостатками. Теперь мы обращаемся к нашим читателям, сколько-нибудь знающим быт и поэзию народа великорусского и малорусского, пусть они решат, может ли быть понятна чисто народная великорусская сказка или песня в Малороссии? Если и есть в великорусской поэзии общие мотивы с малорусской, то они развиты совершенно оригинально в частности, - а именно в этих-то частностях и вся *суть*. Чтобы сделать, например, великорусскую сказку менее частною, провинциальною, нужно ее переделать, т.е. по крайней мере перевести на литературный язык, а тогда утратится вся ее свеженародная прелесть, а следовательно, и все значение. Для того, чтобы судить, в какой мере бесплодно чтение с

малорусскими мальчиками великорусских народных произведений или изображающих великорусскую народную жизнь, обратимся к фактам, т.е. к книге, которую употребляют теперь в народных школах Юго-Западного края. Это «Книга для чтения в народных училищах», изданная начальством Киевского учебного округа. Мы не будем уже говорить о том, как странно должно поразить малорусского ученика Киевской или Черниговской губернии, когда он увидит в отделе под названием «Песни»: «Слава Богу на небе», «Гой, красна земля Володимира»..., «Уж как пал туман на сине море», и только. Что же это за песни – спросит недоумевающий мальчик – которых я никогда и не слышал, чтоб пели? А мы за него еще прибавим, что подблюдных песен, к числу которых принадлежит первая, в Малороссии вовсе нет. Но не будем говорить о неудачном выборе, а обратим внимание на то, что составляет характеристическую особенность народной поэзии великорусской. Во-первых, особенность ее и прелесть составляют – живой народный язык и народные образы. Но в том-то и беда, что этот язык и эти образы вовсе не будут живы, а иногда и понятны малороссу. Возьмем, например, песню «Уж как пал туман на сине море». Все эти *уж как, злодей-тоска, ретиво сердце, кручина, огонечек малешенек, удал-добрый молодец, пролилась ручьем кровь горячая*, одним словом все, что составляет прелесть песни для великоросса, начиная от размера ее, все это нисколько не подействует на малоросса. Насчет же выражения – *не выйти кручине из сердца вон*, малоросс придет в некоторое недоумение, ибо у него *вон* имеет частное значение – грубого изгнания, преимущественно собаки. Если же сбросить все живые подробности, то от песни останется только сюжет, что один молодец умирал в поле и разговаривал с конем – сюжет общеславянский, если не общечеловеческий. А именно сюжет-то в поэзии, особенно в народной, и ничего не значит. То же следует сказать и о таких произведениях образованных писателей, в которых отразилась великорус-

ская народная жизнь. Возьмите Кольцова, сказки Пушкина, рассказы Писемского и прочтите малороссу: много он не поймет, а все будет слушать холодно. Для примера обратимся опять к киевской книге для чтения. Там помещена, например, превосходная сказка Пушкина «О рыбаке и рыбке». Эта сказка именно тем и превосходна, что она - народно-великорусская, а оттого именно она и малопригодна для южнорусской школы. Что такое малороссиянину: *пуще взмолиться, простофиля, поперек слова молвишь* и т.д.? Что такое для него *государыня рыбка, старуха бунтует*, - слова, которые если он и слышал, то редко и не иначе, как в государственном смысле? В той же книжке помещено несколько стихотворений Кольцова: «*Перед образом Спасителя*», «*Урожай*», «*Что ты спишь...*», «*Песня пахаря*». Из них о первом мы говорить не будем, потому что оно, как все думы Кольцова, в поэтическом отношении весьма плохо. Что до остальных, то обыкновенный размер песен Кольцова решительно чужд малорусского народного уха, также чужды малороссу прелестные обороты кольцовского языка:

Туча черная
Понахмурилась,-
Понахмурилась,-
Что задумалась...
...Ветерок по ней
Плывет - лоснится...
...На дворе по траве,
Хоть шаром покати...

Такие слова, как – *заветные, чужом, рожь зернистая, дремлет колосом, закрома*, образы в роде:

На гумнах везде
Как князья скирды
Широко сидят...
...Собирают казну,

Бражку ковшичком пьют.

Все это мертво для малоросса.

Но мы чувствуем излишество далее доказывать, что воспитывать малорусских мальчиков на великорусской народной поэзии нет никакой возможности. Если мы остановились на этом вопросе, то только в виду такого примера непрактичности и образцового невнимания к местной жизни, какой представляет упомянутая книга для чтения: в этой книге, назначенной для малорусских школ, сколько нибудь имеют отношение к местной жизни только статьи: «О крещении Руси в Киеве»; «Киево-Печерская лавра»; «Уния»; да стихотворение Хомякова «Киев». Но эти статьи имеют связь с местностями только по названиям. Почти же вся литературная часть книги, за немногими исключениями, как нарочно, составлена или из отвлеченных статей вроде «Истинного благочестия» Канта и риторических стихотворений Бенедиктова и Глинки, или из специально великорусских произведений и неудачных подделок под них Сахарова и Аксенова. Нет слова, великорусская народная жизнь стоит изу-

кінець 9 колонки, с.2

чения, великорусская народная поэзия и песни Кольцова должны занять огромное место в образовании гимназическом. Русскому человеку, в какой бы местности он не родился, нельзя не знать быта и понятий большей половины русского племени; изучение, напр, Кольцова может чрезвычайно способствовать эстетическому и нравственному развитию всякого русского человека; Кольцов научает нас находить красоту и поэзию в явлениях обыденной жизни, научает радоваться и горевать с русским мужичком. Но малоросс простолюдин еще должен осознать свой собственный быт, научиться уважать самого себя, а это возможно только тогда, когда в основу его образования мы поставим его собственную словесность.

Какой образовательный элемент заключает в себе язык малорусский, — мы уже говорили, — теперь скажем о том, что образовательного имеет

словесность. Во-первых, малорусская поэзия имеет то образовательное значение, что она – поэзия, и притом поэзия, уже несомненно, более близкая малорусскому народу, чем всякая иная. Кто признает вместе с нами образовательное значение поэзии как поэзии, тому этого рассказывать нечего, а кто не признает, тому тоже рассказывать нечего, ибо со слепыми о цветах не рассуждают. Мы только спросим об одном: и в Германии, и отчасти у нас принято учить в народных школах, между прочим, пению; спрашивается: неужели малорусским мальчикам нельзя будет петь в школе своих песен, и неужели их будут учить песням великорусским, потому что за теми, кроме духовных, остаются только романсы и солдатские песни? Ограничившись предложением такого вопроса, мы переходим к южнорусской народной словесности как материалу для нравственного и умственного развития народа. Еще и до сих пор далеко не собрано все богатство, какое представляет народная малорусская словесность, но и то, что напечатано до сих пор, включает материал, из которого можно составить превосходную хрестоматию для чтения в школах. Так, например, мы укажем на несколько сказок, помещенных в «*Записках о Южной Руси*», на целый рассказ там же о загробном мире, представляющий христианские нравственные идеи в народных образах, множество песен, где представляются удивительно симпатические семейные отношения. Так, например, брат, муж, отец, носят в песнях эпитеты *хрещатый барвиноньку*, *сывий голубоньку*; изобилие таких обращений составляет отличие малорусской поэзии от великорусской, где, например, отец носит постоянный эпитет – *государь-батюшка*. Немалое количество песен рисует удивительно симпатичный образ малорусской матери. Чрезвычайная нежность отношений составляет одну из характернейших особенностей малорусской жизни, которая отражается и в языке: малорусский язык изобилует непереводаемыми уменьшительными и ласкательными выражениями: например, *двойко*, *знаемисеньке*; он

имеет значительное количество уменьшительных глаголов: *йистки, йисточки, йистоньки, пытки, пытонки* (в великорусском языке есть только несколько таких глаголов в словаре областном). Вот эту-то нежность вообще, и особенно семейных отношений, и надо привести в сознание народа, что возможно только с помощью народной словесности. Не меньшей нежностью отличаются и отношения малоросса к природе, к животным, например, к птицам – что опять значительно отличает малорусский характер от великорусского, сознание о чем опять даст малороссу его народная поэзия. Кроме того, малорусская народная словесность представляет образцы и темных сторон малорусской семейной жизни. Малорусская семья не такая резко-патриархальная, как великорусская. Оттого в малорусской семье возможны такие задушевные, чуждые страха отношения к отцу и матери, особенно к последней, какие невозможны в великорусской семье, где даже мать является существом загнанным, а потому не уважается детьми. Но при большей свободе малорусская семья даст больше простора личному эгоизму. А потому в малорусской семье часто бывают примеры открытой ссоры братьев и даже того, что сын *докоряе батько хлибом*. Наконец, следы патриархальности семьи выражаются в Малороссии во вражде свекрови к невестке и наоборот, - которая если свойственна всякой патриархальной семье, а потому и великорусской, но развита в малорусской по-своему. Для характеристики всего этого есть материалы в народной словесности, а потому и было бы непростительным промахом со стороны народной педагогики не воспользоваться таким живым случаем для усвоения народом моральных идей. Что неясно выражено в поэзии народа изустной, то может быть восполнено рассказами М. Вовчка, имеющими почти такое значение, как и народная словесность. Как образчик симпатичной стороны малорусской семьи мы можем указать, например, на рассказ «Сестра», а темной – «Свекруха». К сказанному следует прибавить о необходимости участия народной поэзии в религиозном и историческом образовании народа.

Например, южнорусская поэзия представляет понятия о Боге, по своей чистоте и симпатичности удивительно близкие к евангельским – постоянный эпитет Бога в малорусской народной поэзии *мылий*. В этом одно из отличий религиозных представлений народа малорусского от великорусского, в которых Бог является в более ветхозаветных формах, в которых религия является более обрядовой, нежели моральной. Что же касается до народной истории, то мы видим единственную возможность живого изложения ее – взять за основу ее исторические песни, а ими-то и изобилует малорусская народная поэзия.

Резюмируем же все сказанное нами о необходимости участия народного языка и поэзии в образовании малорусского народа. Во-первых, мы рассматриваем язык, не как мертвый лекси-

кінець 11 колонки, с.2

кон корней, - а потому находим, что язык малорусский вовсе не так близок к великорусскому, как кажется с первого раза, ибо очень часто слова одного корня имеют разное, хотя и близкое для филолога, значение; часто также один язык имеет такие производные, каких не имеет другой. Потому мы считаем первоначальное обучение малорусских мальчиков на языке великорусском затруднительным. Во-вторых, сообразно тому же живому взгляду на язык, мы рассматриваем его как собрание образов, и находим, что образы одних и тех же понятий развиты у великоросса и малоросса иначе, что близкие для малороссиянина понятия и образы разособляются в языке великорусском и наоборот. А потому мы находим, что далеко не правы те, которые говорят, что малороссу все понятно, что ему говорят по-великорусски. Тут вопрос в том, что разумеется под словом *понимает*. Если под этим разумеется отвлеченное внесение в свою память чужого слова, то так, пожалуй, можно сказать, что малоросс и великоросс прекрасно понимают и церковнославянский язык. Но если под этим словом *понимать* разумеется возможно более наглядное и живое усвоение мысли, то мы с полнейшим правом можем сказать, что малоросс, не получивший дальнейшего

образования, не понимает великорусской книги. А так как педагог должен заботиться о том, чтоб при обучении чтению возможно более развить воображение и рассудок ученика, то ясно, что это чтение должно быть в малорусской школе по-малорусски. Наконец, что касается до материала для чтения, то, конечно, он должен быть взят возможно более из близкого ученику мира, а такой материал даст теперь только народная словесность и близкие к ней произведения. Давать же их малорусскому народу в переводе мы считаем такой колоссальной нелепостью, о которой и говорить много – значит не уважать читателя. Дальнейший вопрос, который представляется нам, - это вопрос о передаче малорусскому народу научных сведений на малорусском языке. Что малорусский язык не развит настолько, чтобы быть способным к передаче научных сведений в высшем образовании, с этим вряд ли кто станет спорить. Но что малорусский язык развит настолько, что может излагать научные элементарные понятия, это доказано такими книгами, как «Оповідання з Святого Писання» св. Опатовича, «Дещо про свит Божий», к сожалению, остановленных на первых выпусках. Теперь признано, что в элементарном образовании научные данные следует излагать возможно ближе к понятиям и языку учеников, - и как из вышесказанного следует, что рассказ на малорусском языке принимается малороссами впечатлительнее, то вопрос решается просто.

Учитель

В електронному форматі стаття підготовлена студентками Інституту української філології НПУ імені М.П. Драгоманова Юлією Пащенко та Анастасією Степановою.